

ДУХОВНАЯ РЕИНКАРНАЦИЯ

И.Л. Андреев

10.7256/2070-8955.2013.01.5

РИТУАЛЬНЫЙ УХОД ИЗ ЖИЗНИ КАК МОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР

Аннотация. Философское эссе, во многом построенное на материалах многолетних полевых исследований автора, посвящено анализу проблемы размышления и поведения человека в ситуации выбора между жизнью и смертью на материале традиционного африканского общества наших дней.

Ключевые слова: психология, Африка, жизнь, смерть, эвтаназия, племя, обычай, предки, потомки, мораль, ситуация выбора.

«Человек заброшен в этот мир независимо от его воли, он покидает его также не по своей воле. В противоположность животному, которое наделено инстинктами, «встроенными» механизмами адаптации к среде, человек не имеет никакого подобного инстинктивного механизма. Он должен прожить свою жизнь, а не она им проживается».

Эрих Фромм

«Человеку важно умереть своей смертью — «своей» в том смысле, который придавал этому высказыванию Рильке. Своей — значит осмысленной, хотя и по-разному: ведь смысл смерти, точно так же, как и смысл жизни, у каждого свой, глубоко личный».

Виктор Франкл

Жизнь и смерть в архаической ментальности

Согласно традиционным африканским представлениям, жизнь никогда не кончается, если она организована разумно, то есть выверенным поколением мудрых предков образом. Она только прерывается сменой поколений, уходом из жизни одних, рождением и пребыванием на земле других. Во всех этих переменах заключена некая неодолимая константность, которую Леопольд Сенгор образно назвал знаком реальности, еще более глубокой, нежели видимые процессы и ритуалы, имея при этом в виду объединяющую связь с общим Предком, в свою очередь, обусловленную кровным родством и вытекающей из него «общностью жизненного пламени»¹. Ушедшие в тень возрождаются в потомках, которые не устают

почитать и славить предков, постепенно одухотворяя последних, составляя вместе с ними и с теми, кто еще не появился на свет, в ком они когда-то возродятся вновь, единое духовно нераздельное сообщество.

В сознании всплывает некая аналогия из истории отечественной философско-религиозной мысли, в какой-то мере созвучная традиционным африканским представлениям о вечном «кругообороте» предков — потомков. Я имею в виду идею русского космиста Н.Ф. Федорова о том, как может осуществляться «рождение детьми родителей». Казалось бы, полнейший абсурд, если исходить из принятой в европейской традиции стреловидной направленности течения времени. Здесь же, если позволительно так выразиться, речь идет об эволюционно-генетической «петле времени», напоминающей траекторию полета не стрелы, а бумеранга. «Просвечивание в себе образов отцов, втесненных в каждого законом наследственности, при одновременном изучении всего генетического кода человечества — конкретно, лично — даст возможность восстановить генетическую структуру каждого через ее запись в потомках... Полное воссоздание — это вместе с тем не просто воскрешение прежде живших в их былой материальной природе, а претворение их природы, как собственно природы воскресителей (поколения, достигшего бессмертия, не переходя через смерть буквальную, а только через смерть старой материальной организации) в принципиально другую, самосозидаемую, полноорганичную: «я» как самосознание личности сохраняется, её тело, материальное вместилище, функционально (и органически) становится иным, подчиненным сознанию, регулируемым, одухотворенным»².

¹ Senghor L.S. Liberte I. Negritud et humanisme. Paris, 1964. P. 74.

² Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 256-257.

Разумеется, оба этих подхода неправомерно отождествлять. Однако и гносеологические Гималаи между ними возводить не стоит. Не исключено, что каждый из них со временем будет способствовать более адекватному пониманию эзотерической логики другого.

Поскольку африканский менталитет обращён к прошлому, а традиционное время течет «вспять», к тому, что уже достоверно состоялось, неопровержимо было и является фундаментом настоящего, постольку предки — наиболее значительная часть традиционного анимистического коллектива. Зная все это, не стоит удивляться, когда из уст крупного африканского ученого прозвучит: «Те, кто умерли, не исчезли бесследно. Они — повсюду. В трепещущей листве акации и толстом стволе баобаба, в стоячей озерной воде и в искрящихся брызгах водопада. В подземелье и фамильном склепе, в малолюдной саванне и в городской толпе, ибо умершие вовсе не умерли навсегда»³. Лишь встав на позиции первозданного анимистически-языческого пантеизма, согласно которому природа — вечно живой, вездесущий, непрерывно обновляющийся организм, поскольку она едина, совокупна, взаимосвязана и нераздельна с людьми, ее «населяющими», рождающимися, живущими и умирающими в ее материнских объятиях, можно уловить реальный смысл в такого рода антропоморфно-пантеистических представлениях.

Кстати, сама идея взаимной проницаемости и контактности поколенческих «миров», составляющих традиционный социум и психологический фундамент его специфической ментальности, колоритно и своеобразно прослеживается в африканской художественной литературе.

Пьеса Воле Шойинки «Смерть и Конюший король» в художественной форме воспроизводит действительные события, происшедшие в нигерийском городе Ойо в 1946 году. По древней, жестокой и бессмысленной традиции через месяц после смерти местного «этнического» короля, когда он уже адаптируется в мире умерших и ему требуются услуги ближайшего прижизненного окружения, люди, их оказывавшие при жизни сюзерена, должны по обычаю добровольно последовать за своим былым повелителем. В числе первых предстояло «присоединиться» к ушедшему в мир иной вождю его любимцу — королевскому Конюшему. Однако сочувствовавшие ему образованные люди намеренно отвлекли пожилого человека от ритуального самоубийства в предписанный традицией срок. И тогда случилось более страшное: чтобы мир

мертвых не стал думать плохо о самом Конюшем, его предках и потомках, бремя печального долга, никому ни слова не говоря, взял на себя его сын — студент одного из самых престижных английских университетов. Несмотря на то, что отчаявшийся отец мигом последовал за ним, вернуть сына в прежнюю жизнь он уже не смог⁴.

Совсем иначе сложилось чем-то похожее на прогулку пребывание на «том» свете главного героя романа известного камерунского писателя Монго Бети «Исцеленный король». Вождь многочисленного племени Эссомба Мендуга, истерзанный тяжелой болезнью, принял под нажимом настойчивого миссионера христианство. Но заметного облегчения не почувствовал, а потому вскоре отказался от веры белых: чересчур реальная при его эпикурейском образе жизни перспектива попасть после её завершения прямиком в ад и гореть там в вечном пламени вождя не прельщала даже ценой выздоровления. Ей он предпочел традиционные, унаследованные от предков, представления об однозначно благополучном на своём, родном, по-своему даже желанном «том свете». Побывав некоторое время в инобытии, он, по истечении кризиса болезни, пришел, наконец, в сознание. И настолько образно с яркими житейскими деталями и характерными для традиционного менталитета красочно-динамичными диалогами объяснил соплеменникам своё, отнюдь не христианское, а вполне реальное воскрешение, что не могу удержаться от соблазна привести его полностью. Эссомба Мендуга, цитирую Монго Бети, «предпочитал рассказывать своему другу, как обстоят дела на «том свете», где ему довелось погостить; он помнил до мельчайших подробностей свою встречу с предками и со всеми душами племени, собравшимися по этому случаю на большое совещание, на котором председательствовал сам Акомо. И вот что они сказали ему в завершение долгой беседы: «Зачем же ты явился сюда, если племя еще не может без тебя обойтись?» Ты истинный сын Акомо, и мы с величайшей радостью приняли бы тебя навеки в наши ряды, но мы можем и подождать. А они? Что они там, на земле, будут без тебя делать? Нет, возвращайся к ним, живи среди них. Мы сами тебя позовем в урочный час...» Вот что они ему сказали — слово в слово. И Акомо отозвал его в сторонку, чтобы шепнуть еще несколько словечек в утешение, ибо, сказал он, они понимают, как тяжела жертва,

⁴ См.: Бейлис В.А. Нобелевский лауреат в Африке (критики о Воле Шойинке и Шойинка о культуре). = «Культурное наследие: и преемственность и перемены». Вып. 2. М., 1991. С. 160-161.

³ Высказывание Бираго Диопа см.: Dogbe Y. Negritud, culture et civilisation. Paris, 1980. P. 211.

которую они от него требуют, опять посылая его в мир живых, где полно случайностей и где происходят вещи странные, необъяснимые, если не сказать нелепые. «Да, я вернулся из дальних краев», — вздыхал вождь, заключая свой рассказ»⁵.

И все дружно ему поверили. Потому что именно такой они представляли себе скрытую от посторонних глаз тайную обитель предков, куда предстоит рано или поздно войти каждому, достойному того, из числа ныне живущих. Но иногда какие-то особые обстоятельства подталкивали к ускорению этого, столь естественного, по сути своей, процесса.

Последняя воля патриарха

...Пожилой старейшина, уважаемый всеми человек, приглашает в свою хижину сыновей и просит их помочь ему достойно и своевременно уйти из этой жизни, переселиться в город мертвых, то есть косвенно стать соучастниками отцеубийства. Он многое сделал для своих сородичей и соплеменников. Родил детей, дождался внуков и даже правнуков по линии старшей дочери. Жил добропорядочно, в соответствии с традициями, помогал в меру сил людям, разбирал споры, мирил поссорившихся, учил молодежь обычаям предков. Теперь устал, утратил чувство новизны, зримой пользы принести уже не может и не хочет быть обузой окружающим, отравлять жалким зрелищем одряхления восторженное восприятие жизни молодыми. Он сам определил время своего «ухода» и место погребения. Хочет, чтобы смерть его была «доброй», а не в нестерпимых муках болезней или отчаянии полного бессилия. Конечно, хуже всего впасть в вязкий, видимый только со стороны омерзительный старческий маразм, превратиться в уродливое животное подобие прежде красивого и сильного, мужественного и умудренного опытом, сделавшего много полезного для соплеменников и родственников, а потому всеми уважаемого мужчины, каким он должен запомниться сородичам. И все увидят, как он с честью вступит в круг предков-покровителей общины. И тем самым станет ещё одним её надежным заступником и благодетелем. Это — принципиально важный момент. Уйти из жизни просто так, по капризу или иной какой-то причуде, — значит нарушить вековые традиции. У многих африканских племен самоубийство считается страшным преступлением, не подлежащим прощению ни в коем случае. Например, банту прямолинейно заявляют, что все они «живут ради смерти, а умирают ради жизни». Других людей

(родственников и соплеменников) и своей собственной — в ином мире или при новом явлении в этот. Здесь есть своя логика. Если африканец умер по воле свыше, это нормально, хотя и верится, как правило, с большим трудом. Но если его лишил жизни другой человек, пусть он последует за ним за черту бытия без права на обратное ее «пересечение» в любом из допускаемых традицией вариантов. Видимо, данная формула содержит в скрытом виде обычай кровной мести даже в среде «своих».

Но как в свете сказанного выглядит задуманное старейшиной «заказное самоубийство»? Ведь он и к преступному нарушению святых обычаев явно не склонен. И тем более «тащить» за собой собственных сыновей вовсе не собирается. Как пройти, не сбивая флажков, этот замысловатый «слалом» табу? Что касается сыновей, то они, с позиций отца, всего лишь послушные дети, исполнители воли своего родителя, а потому, не имея злых умыслов, вовсе не должны следовать, пока не придет их естественный черед, за ним в город мертвых. Сам он отнюдь не склонен расценивать задуманную акцию, как умышленное самоубийство. Совсем наоборот, он умирает ради жизни, более комфортной и «защищенной» с «той» стороны бытия жизни своих родных и близких. Это — не бег от жизни как дара предков и судьбы, а разумное распорядение её оставшейся, уже небольшой частью. Ведь гибли легендарные предки, защищая остальных в случае смертельной для них опасности. Хвала им за это и слава! Он же не отдает всего, что ему было дано свыше. Лишь то, что у него осталось. Словом, многое в данном эпизоде объясняет феномен веры африканцев в жизнь после смерти, в то, что смерть — это не всегда и не обязательно насовсем. Поэтому обычай предписывает принимать «добрую» смерть по возможности спокойно и даже радостно.

«Кстати, с нынешним запасом сил и памяти, — продолжил свою речь старейшина, — я «оттуда» смогу всем вам быть более полезен сейчас, нежели позже, когда окончательно разболеюсь и одряхлею. Свое предназначение в этой жизни я достойно выполнил. А там, за горизонтом, меня заждались старшие родственники и друзья. К слову, могу взять на себя роль почтальона и передать им от вас пожелания, и даже посылки от родных и близких, включая их любимые амулеты гри-гри и предпочитаемую ими одежду, которая у них, наверняка, поизносилась. Как я справлюсь с поклажей? Здесь вы положите все необходимое в могилу. Деньги лодочнику-невидимке за перевоз через невидимую подземную реку, отделяющую деревню живых от горда мертвых, давно уже лежат в шкатулке из верблюжьей кожи, некогда купленной у вездесущих туарегов».

⁵ Монго Бети. Исцеленный король. М., 1966. С. 104.

Старик какое-то время задумчиво помолчал. Наверное, представил себе мысленно путь, грустный, печальный, но неизбежный путь, в который он собрался. Вдохнув, продолжил: *«Конечно, еще достаточно сил и энергии, чтобы есть, пить, смотреть на мир и слушать его. Но... зачем ждать угасания, когда Смерть придет за тобой сама? Лучше ее опередить, «обмануть». Так больше гарантий, что она будет «хорошей». Это поможет скорее стать духом, потусторонним советчиком и защитником своих живущих и еще не родившихся сородичей. Да, и мой «близнец» по имени и характеру — любимый внучок растет, крепнет, похож на меня лицом и характером. Так что смена готова, «дублер» набирается сил и уже готовится к священной инициации. Хорошо бы в ней поучаствовать. Ну, да ничего. Оттуда увижу, будучи невидимым. Вы ведь приглашите меня? Не забудете?»*

Сыновья глубоко и тяжело задумались. И было над чем... Отец был для них символом жизни, силы, мудрости, предметом гордости, надежной опорой и ненавязчивым советчиком во всех делах, которые они вершили. В Африке обычно не произносят громких слов и ярких комплиментов по отношению к самым близким людям. Но за внешней суровостью, как правило, скрываются искренняя любовь и забота. Само их благополучие служило высшей мерой оценки его реальных достоинств. А как они будут жить без него? — Как и другие. Но все-таки грустно, очень не по себе.

Один из сыновей, живущий в городе, видел фильм, где старая, больная, страдающая от невыносимых болей мать умоляла дочь, а затем врача дать ей яд или иным способом прервать то, что уже трудно назвать жизнью. И те не решались. Дочь — из жалости к матери, больше — к себе. Врач из-за боязни судебных разбирательств и нарушения клятвы Гиппократата, предписывающей бороться за жизнь больного до последнего шанса. Но отец не был тяжело болен, и жизнь не стала для него невыносимой!? Другой вспыхнувший в сознании фильм представлял собой экранизацию рассказов Джека Лондона. Он пользовался в Африке успехом, благодаря тому, что там показывали много снега. А это — зрелище достойное внимания, особенно, если ты никогда его не видел. Так вот: индейцы-охотники остались без пищи. Для спасения от голода и холода нужно было быстро пройти очень большое расстояние по глубокому липкому свежеснежавшему снегу. Всякая задержка могла привести их к гибели. И тогда старая, уже дряхлая, но очень мудрая бабушка (индейцы особенно чтит матерей своих матерей) потребовала, чтобы ее с вязанкой дров оставили поразмышлять на прощанье над смыслом жизни, а сами уходили

поскорее и побыстрее, чтобы сохранить жизнь себе, детям, внукам, всему роду. Она жертвовала собой, не желая рисковать жизнью остальных, ибо двигаться самостоятельно и тем более так быстро, как требовали экстремальные обстоятельства, она не могла. Но ведь здесь такой ситуации не было!? Пищи вполне хватало. Тепла же было в явном избытке...

Тем не менее, именно им теперь предстояло дать согласие на участие в замысле отца, сознательно санкционировать искусственную смерть старшего родственника, уважаемого и любимого человека, которому каждый из них обязан своим появлением на свет, чувствовать его страдания, представить себе, как он задыхается под слоем земли, не смея ему помочь оттуда выбраться. Поднять руку на соплеменника, сородича, пожилого, всеми уважаемого человека — грубейшее нарушение обычая.

С другой стороны, они не могут послушаться и проигнорировать ясно выраженную волю старшего родственника, сочувствуя его так неожиданно подступившей старости и непреклонному желанию прервать ее по доброй воле в избранной им самим форме, в назначенный им самим день и час. Ведь это его неотъемлемое право — распорядиться остатком своей жизни, тем более в интересах благополучия остающихся, его потомков, и всего рода, включая тех, кто еще не появился на свет, но, несомненно, появится. А он «оттуда» всем им поможет.

Такая «сшибка» взаимоисключающих психологических мотивов, своего рода психодрама, вряд ли уступающая по силе экспрессии гамлетовскому «быть или не быть?», как бы раздвинула стены традиционной хижины до проблем всего человечества, смысла, цели и «цены» каждой отдельной жизни и ее места в смене поколений, составляющих социум... Все долго молчали. Наконец, старший сын под пристальными взглядами остальных почтительно попросил отца не торопиться с таким ответственным решением, подождать хотя бы до следующего сезона дождей и инициации старшего внука. Однако отец был непреклонен. Он всё уже много раз продумал и взвесил. Интуиция подсказывала, что дальше откладывать задуманное чревато опозданием. Ведь «Та, которая с косой», уже начеку. Подкараулит — не заметишь.

«Итак, — закончил свою скорбную речь перед мужчинами-потомками старейшина, — всё решено. На третий день новой луны мы расстанемся. Тело мое оставьте в хижине. Сразу же, как мое дыхание остановится, снесите с неё крышу, чтобы молодая луна могла осветить мою последнюю обитель. Вырубите кактусы и кусты лимонника у входа: мне не нужна будет защита от змей. Наоборот, те из них, в ком

поселились души родных и друзей, возможно, захотят навестить место моего погребения и по-своему проститься со мной, дать советы относительно нового грядущего бытия. Изображение фаллоса из хижины вынесите и уничтожьте: его былая сила ушла в вас, перешла к вам. А новая придёт с новым рождением в новом месте, чтобы доставить новые радости и от новых женщин завести новых детей. Но это уже «там», либо при следующем «возвращении» сюда... Чтобы надежнее обезвредить злых духов, мои личные вещи — особенно копье, посох и такой мелодичный балафон — после похорон не забудьте обрызгать кровью жертвенных барана и петуха, а затем обклеить их шерстью и перьями жертвенных животных. Заранее оповестите родственников и друзей из соседних селений и из города. Пусть придут вовремя проститься с моим телом и моей душой в ее видимом облачении. Я выпью прадедовский колдовской отвар из своих родных сахельских трав и глубоко, надолго, на несколько дней усну. Даже дыхания не будет слышно. Никому до срока не говорите об этом. Похороны должны состояться в строгом соответствии с традиционным ритуалом. Но и не тяните сверх меры. Не дай Бог, закончится действие напитка!»

Зомби возвращается в родную деревню

На самом краю селения, под раскидистыми кокосовыми пальмами среди белесых песчаных дюн расположилось старинное деревенское кладбище. Священная территория в священной роще предков, где круглосуточно стоит благоговейная тишина естественного храма Природы, изредка нарушаемая редким, будто нарочито тактичным, щебетанием птиц и тонким зуммером жужжания залетающих в тень насекомых.

Сумерки. Быстро, будто занавес в театре, спускается тьма. Вдруг песок в одном месте, там, на бугре, словно ожил. Вначале почти неуловимо для уха и глаза, затем все явственнее зашуршал и как-то неестественно зашевелился. На поверхности показалось нечто, отдаленно напоминающее изуродованную кисть руки с неподвижными скрюченными пальцами, затем вся рука, плечо... Наконец, из земли медленно поднялось вначале на четвереньки, потом на ноги похожее на привидение существо. Замедленные, хаотичные угловато-неестественные движения. Походка нетвердая, корявая, как у человека, в одиночку выпившего большой калебас крепкого пальмового вина. Глаза пустые и бессмысленно-безумные. Это подобие человека явно не может понять, кто он, где находится, что с ним произошло и происходит.

Луну затащили невесть откуда взявшиеся в обычно чистом небе саванны облака. Ветер как-то внезапно стих. Природа вмиг будто замерла и оцепенела. Даже, казалось бы, привыкшие ко всему собаки с голыми от нестерпимой дневной жары шеями не рискнули подавать обычно такие залихватские голоса. Все, кто оказался во дворе, бесшумно юркнули в двери своих конусообразных жилищ, стараясь ненароком не оказаться на пути непрошеного гостя. В полной тишине и темноте, спотыкаясь и падая, надрывно кашляя и тяжело дыша, он добрал, наконец, до хижины, которая всего несколько дней назад считалась его жилищем. Домочадцы, увидев столь неожиданное зрелище, буквально вжались в упругие стены традиционного строения. Они-то все поняли сразу, онемев и обезножив от панического ужаса, охватившего их при виде некогда дорогого, но сейчас совсем нежеланного и, тем более, незваного пришельца из-под земли. Их дед, отец, дядя и брат должны покоиться в теплой песчаной яме, там, за колючей растительной изгородью, призванной защитить собранный на ночь вовнутрь краля скот от внезапного нападения какого-либо ночного хищника. Они сами поместили туда тело умершего, выполнив все положенные при этом обряды и ритуалы, принеся необходимые жертвы и формулы благословения в дальний путь. Почему же так неожиданно «ожил»? Или, что еще хуже, каким образом его облик принял «взбодренный» ведунами неуспокоенный покойник?

Перед ними предстал самый настоящий зомби, что в переводе означает ожившего в силу каких-то явно особых причин мертвеца, с которым уже простились, согласно древним обычаям, отправив в «тот» мир. Почему же он вернулся оттуда, откуда никто не должен так скоро, не успев стать предком и духом, возвращаться? Что он здесь «забыл»? Не хочет ли позвать кого-то вместе с собой туда, откуда только что появился? Самое страшное для него и всех остальных, если предки его не приняли в свои ряды и «вытолкнули» обратно к живым. Или злые духи вытащили наружу в обмен на последующее тайное служение им и только им. В африканском фольклоре встречается первобытный вариант легенды о докторе Фаусте. Иначе как он перебрался через подземную реку, не имея ничего, чтобы оплатить перевозчику обратный путь к людям?

На деле всё оказывается, как правило, гораздо прозаичнее. И страшнее. Рассказывают, например, что иногда покойники, пока их в течение нескольких дней носили по деревням и даже городам, где они бывали при жизни, чтобы оповестить всех родственников, друзей и знакомых, дать им возможность

проститься с усопшим, внезапно оживали. Вероятно, это были «заказные» похороны с недостаточно точно рассчитанным сроком действия отвара или гораздо более редкие случаи самопроизвольного летаргического сна.

Тем более что иногда такие действия совершались в спешке, особенно если человеку, даже находящемуся в расцвете сил, вдруг требовалось срочно уйти, по сути дела, «сбежать» из жизни, в связи с нависшей над ним угрозой неотвратимой и зверской, мучительной и позорной расправы со стороны тайного ритуального общества, своего рода племенной этномафии. Скажем, подкинутая к дверям его хижины бронзовая фигурка скорпиона не могла означать ничего иного, как смертного приговора секретной коллегии старцев, которых он чем-то сумел до такой степени разгневать. Или кто-то из врагов ловко сводит с ним счеты. Впрочем, ни времени на размышления, ни выбора, как правило, в таких ситуациях уже нет. Остается достойно принять вызов судьбы, чтобы не было стыдно ни перед предками, ни перед потомкам. Уйти из жизни самому или, по крайней мере, не чувствовать ничего во время зверского ритуала, в целесообразности и гуманности которого он совсем недавно на свою беду посмел усомниться, да еще под влиянием молодого пальмового вина поделиться греховными мыслями на этот счет с некоторыми из соплеменников.

Может быть, бежать? Но куда и зачем? В городе он все равно не спрячется и не выживет, даже если его оставят в покое люди — муру (леопарды), люди — поро (пантеры) или люди — ликунде (аллигаторы), что, впрочем, весьма маловероятно. Скорее всего, они устроят за ним ритуальную охоту, как за недавно обьявившимся в округе леопардом-людоедом.

Другого выхода практически не было. Зато теперь, когда, обеспокоившись его длительным отсутствием, колдуны заглянули в хижину (детей он предварительно отправил к родственникам), их потенциальная жертва лежала без дыхания и иных признаков жизни. Его решили похоронить как скоропостижно скончавшегося, срочно призванного к себе предками. А если, спустя некоторое время, он все-таки оклемается, будет повод привести в действие тайный приговор, который страшнее обычной смерти, в назидание другим, умникам, скептикам и ослушникам. Действительно, вскоре лунной ночью вблизи деревни появился зомби, очень похожий на недавно так неожиданно умершего мужчину. Он никого не узнавал, ни с кем даже не пытался заговорить. Лишь молча и отрешенно бродил в одиночестве по окрестностям, будто ища что-то, очень для него важное. Впрочем, скоро он вновь исчез, на

этот раз навсегда. Говорят, стал жертвой «случайного» леопарда, наконец-то отправившего его, такого неприкаянного и всеми игнорируемого, в спокойный и уютный мир предков.

Еще раньше, по воспоминаниям древних стариков, в состоянии, подобное клинической смерти или какого-то иного вида анабиоза, из «гуманистических» соображений специально вводили человека, обреченного на заклятие в процедуре жертвоприношения духам предков, вероятно, ещё помнившим времена каннибализма⁶. Ведь пребывая в подобном «небытии», обмякший и невразумительный, он, будто сомнамбула, выполнит любую команду колдуна, не испытывая при этом ни боли, ни страха, не понимая происходящего⁷.

Много лет назад один из крупнейших отечественных востоковедов профессор Ростислав Александрович Ульяновский неоднократно взволнованно рассказывал мне, своему ученику, какое пережил потрясение, когда, попав с первой советской миссией Ларисы Рейснер в Афганистан, неожиданно столкнулся с продажей такого предварительно откормленного зомби «на мясо» для каких-то особых ритуальных целей. Российские представители предложили продавцу затребованную им сумму, чтобы великодушно выкупить несчастного. Какого же было удивление и недоумение наших земляков, когда тот категорически отказался от их предложения, и предпочел свободе уготованную ему колдунами племени участь!? Возможно, он уже был настолько парализован психологически, что не понимал толком самой сути происходящего, а потому не хотел, чтобы его съели (об этом своем «предназначении» он знал, но относился к нему с полным равнодушием) чужие, незнакомые люди, отдавая в страшном трагическом выборе явное предпочтение «своим». Не исключено, что предложение о личной свободе, которую ему пытались «навязать» россияне, не находило никакой «зацепки» ни в воспоминаниях, ни в рассказах современников, ни в местном фольклоре. Потому оно могло показаться несчастному чем-то более противоестественным, нежели его предстоящая участь, а потому пугающим и заведомо неприемлемым.

⁶ В качестве предельной точки зрения см.: Диденко Б.А. Цивилизация каннибалов. Человечество как оно есть. М.: Поматур, 1999.

⁷ Психологический феномен трагической «зачарованности идущих на заклятие» связан с растерянностью индивида, оказавшегося на рубеже культур, где проблема выбора оказывается для него «закрытой», поскольку его неодолимо «тянет» в глубины архаики. См.: Яковенко И.Г. Культурные аспекты механизмов и социально-психологические источники массового террора // Мир психологии. 1998. № 3. С. 215-247.

Такого рода зомби, предназначенного для гастрономии, предварительно поили природным транквилизатором. Типа того, что до сих пор готовится бушменами племени *сан* из тщательно протертых личинок крупных черных муравьев, достигавших целого сантиметра в длину, смешанных с вязущей смолой зонтичной акации, способствующей длительному пребыванию снадобья в желудке жертвы и оказывающей анестезирующее действие, блокирующее предстоящую боль, и резко снижающую остроту зрения. Но в остальные части тела он не проникал. И многие *тва*, по авторитетному мнению Ирины Синицыной, подозревали не без оснований, что их колдуны — мцаваны, в корыстных целях используют умение вводить людей в состояние специфического анабиоза, сохранявшего обменные процессы в тканях при «выключении» высших функций сознания. Под предлогом соблюдения обычаев и под покровом, присущей им таинственности, они время от времени позволяли себе полакомиться сладковатой личинкой⁸.

На океанском побережье Западной Африки в качестве средства, вводящего человека в подобное состояние, характерное для длительной клинической смерти, применялась ядовитая кора эритрохлой гвинейской, носящей название африканского дуба (*Erythrophloeum guineense*). Кроме того, в состав зелий и снадобий такого рода шли растертые в порошок листья вечнозеленого растения *китунбегила* (*Ajvjuv flboviolaceum*), напоминающего имбирь с плодами, имеющими форму миниатюрных фаллосов. А также семена *мбеки маленда*, схожими с крохотными человеческими эмбрионами, что позволяло использовать их вместо человеческих жертвоприношений. И *кинзензи* — пудра из тропических сверчков, обладающая слабительным действием. И подчас прах покойников. Потомками африканских рабов, некогда вывезенных на острова Карибского бассейна, называемых афрокарибами, нередко в качестве эффективно и безболезненно парализующего мышцы и дыхание яда употреблялись выделения рыбы пузан, действие которого в 500 раз эффективнее цианистого калия⁹. Но, даже оставшись живым, человек, который не просто достоверно умер, но и был публично похоронен, никогда уже не становился и в принципе уже не мог стать тем, кем он был и вообще нормальным членом коллектива в глазах сородичей, родственников, соседей, знакомых. Его будут сторониться, избегать, расступаться перед ним,

но не заводить разговоров, стараться не иметь с ним никаких общих дел. Именно такого поворота событий справедливо опасался мудрый патриарх, собравший вокруг себя взрослых сыновей, чтобы продиктовать им свою последнюю волю.

Баобаб-гробница, или «опрос» мёртвых

Архаическому человеку, буквально напичканному верой в чудеса, весьма трудно смириться с тем, что кто-то, близкий и дорогой ему, уходит совсем и навсегда, а воспоминания о нем будут тускнеть и растворяться вместе со смертью его современников и потомков. Смерть для него — дорога в невидимый и неслышимый, лишенный запахов, вкусовых и тактильных ощущений, призрачный и по-своему особенный мир, из которого, по сути дела, никто, по крайней мере, при жизни современников, не возвращается. Совсем недавно твой друг и соплеменник жил, дышал, двигался, говорил, общался. И вдруг: обездвиженное, бездыханное, молчаливое тело, хотя волосы и ногти продолжают расти. А главное — невидимый, он порой явственно всплывает в памяти и подчас просто преследует в сновидениях. Неслышимый, он напоминает о себе знакомыми интонациями галлюцинаторной речи, как бы демонстрируя свое неуязвимое воздействие на реальные жизненные процессы.

Впрочем, это свойство человеческой психики вообще, а не только архаической. В 1946 году в Вене анонимно вышла потрясающая интеллектуальную Европу книга «Психолог в концентрационном лагере». На её страницах классик современной психологии личности Виктор Франкл исследовал на собственном горьком опыте феномен фантомного «проживания» в мозгу человека тех людей, с которыми были реально или виртуально связаны важные вехи его жизни. «В сознании каждого незримо присутствует кто-то, кого, может быть, уже давно нет в живых, но он всё-таки каким-то образом присутствует здесь и сейчас как интимнейший собеседник... Каждый из них знал, что где-то есть кто-то, кого нельзя увидеть, но кто видит его, кто требует от него, чтобы он «был достоин своих мучений», как сказал однажды Достоевский, и кто ожидает, что он «умрет своей смертью»¹⁰.

Человек — единственное животное, которое, благодаря рефлексии левого, вербального, способного к абстрактным обобщениям полушария, заранее достоверно знает о своей неизбежной смерти. И никак не

⁸ Синицына И.Е. Человек и семья в Африке (По материалам обычного права). М.: Наука, 1989. С. 300-301.

⁹ Синицына И.Е. В мире обычая. М., 1997. С. 11-12, 69, 74, 117.

¹⁰ Франкл В. Психолог в концентрационном лагере. «Человек в поисках смысла». М.: Прогресс, 1990. С. 152-153.

хочет с этим смириться. Как ни трудна и порою трагична его судьба, психологический инстинкт жизни, вопреки представлениям Зигмунда Фрейда, намного превосходит биологическую «тягу» к смерти, хотя в некоторых, как правило, патологических случаях самоё её ожидание превращается в невыносимую психическую нагрузку. К слову, сам Фрейд ушел из жизни, прибегнув к эвтаназии, осуществленной по его просьбе лечащим врачом. Но это относится к разряду тех исключений, которые как раз призваны подтвердить общее правило борьбы Танатоса с Эросом. Вячеслав Всеволодович Иванов тонко подметил, что суицид есть не что иное, как «убийство» левым полушарием правого, менее жизненного, но более жизнелюбивого¹¹.

Традиционный африканский менталитет, близкий по духу славянскому языческому мировосприятию, не может запросто смириться со спонтанным и внешне беспричинным (без злокозненного вмешательства извне, инициированного плохим человеком, колдуном, ведуном, духом, амулетом, мертвецом, деревом, магическим предметом *джу-джу* и т.п.) уходом нормального человека из жизни¹². Причина, следуя парадигме архаического сознания, есть всегда. Другое дело, что обычно она весьма искусно «прячется», но её желательно найти, чтобы «обезвредить» на будущее и по справедливости отомстить приведшему её в действие. Словом, африканцы, как правило, очень редко и весьма неохотно верят в естественность смерти родных и близких. Вернее, почти всегда сомневаются в том, что здесь не замешана чья-то колдовская сила и злая воля, либо иным образом (**часто обусловленным некомпетентным пониманием «чужими» последствий своих действий в рамках локального антропобиосоциоценоза**)¹³ вольно или невольно не

нарушены издавна сложившиеся жизнеобеспечивающие связи конкретного индивида и/или его мини-социума с окружающей средой.

Схожие представления были зафиксированы учёными среди племен на островах южных морей. «*Австралийцы*, — писал исследовавший эту проблему Марсель Мосс, — *считают естественной только ту смерть, которую мы называем насильственной. Рана, убийство, перелом являются естественными причинами. Кровная месть, направленная на убийцу, не столь яростна, как месть колдуну. Все остальные виды смерти рассматриваются как имеющие магическое или же религиозное происхождение*», включая случаи, когда смерть была «вызвана мыслью» о ней¹⁴. Русские космисты христианского толка, не расставшиеся окончательно с древними традициями язычества, отмечали аналогичную реакцию на неизбежную в принципе смерть человека, частично сохранившуюся в славянском менталитете начала XX века. Они полагали, что русская душа особенным образом уязвлена фактом смертного конца человеческой жизни; её наиглубиннейшая метафизика есть *метафизика смерти*, в которой очень важен подсознательный отказ признать *нормальность* этого факта¹⁵.

Но вернемся мысленно на Африканский континент. Однажды в желудке убитого на охоте в Восточной Африке крокодила были обнаружены браслеты, принадлежавшие двум женщинам, совсем недавно погибшим на глазах соплеменников в пасти хищника. Казалось бы, всё ясно и логично, хотя и весьма грустно. Но это нам, закоренелым детерминистам и картезианцам. Африканцы же сделали из всего случившегося совершенно иной вывод. Согласно их аксиоматической версии, неведомый колдун известным только ему способом вызвал крокодила на рандеву и приказал доставить ему этих женщин, в

¹¹ Иванов Вяч.Вс. Высшие формы поведения человека в свете проблемы доминантности полушарий // О человеке в человеке. М., 1991. С. 117.

¹² См.: Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.

¹³ Термин «антропогеоценоз» по аналогии и биоценозом для обозначения элементарной ячейки первобытного хозяйства в его неизбежной слитости с ближайшим природным окружением был предложен академиком В.П. Алексеевым в монографии «Становление человечества» (М., 1984. С. 347-444). Позднее И.В. Следзевский вывел этот термин за пределы географической среды в сферу социально-культурных отношений и придавал ему социумный смысл конкретно-специфического симбиоза «осколков» самых различных цивилизаций и институтов, им свойственных. Объединяющим началом этих «специфических социетарных образований, природа которых в нашей науке не определена», выступает общность социаль-

но-экономической и информационно-культурной среды и необходимостью приспособления к ней (См.: Следзевский И.В. Человек в африканском обществе: социальный атом, культурный гибрид или интерпретатор? // Человек в африканском обществе. М., 1994. С. 45-46). Я понимаю под словосочетанием «антропосоциоценоз» своеобразный синтез антропологических и экологических, экономических и социальных предпосылок и условий, принципиально «неотделимых» от человека в смысле среды обеспечения его функционирования как представителя биологического вида и субъекта цивилизационного процесса одновременно. См.: Андреев И.Л. Человек и его здоровье // Экология и жизнь. 2006. № 5. С. 9-13.

¹⁴ Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: Восточная литература, 1996. С. 229.

¹⁵ Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. М., 1994. С. 265.

чем-то перед ним провинившихся. Крокодил беспрекословно исполнил столь деликатное поручение и в награду получил от колдуна принадлежавшие беднягам браслеты, которыми из-за наличия иной, нежели у человека структуры тела, решил «украсить» свой всеядный желудок. Ведь, находясь в спокойном состоянии, не возбуждаемые и не провоцируемые колдуном, рассуждали собеседники ученого, эти вечно сонные, лениво-меланхоличные рептилии обычно не нападают на людей и тем более не проглатывают их по собственной воле. Комментируя данный феномен как непосредственный его свидетель, основатель аналитической психологии и автор концепции архетипов Карл Юнг пришел к парадоксальному, на первый взгляд, выводу о том, что у *первобытного человека есть психика, но нет психологии* как сферы сугубо внутренней и в этом смысле интимной жизни, состоящей из субъективных образов и переживаний. То, что европейцем трактуется как психологическое, для представителя традиционного общества является объективным, реальным, происходящим как бы вне его, независимо от него самого¹⁶.

Вместе с тем, *«первобытный человек не более логичен или алогичен, чем мы. Просто он думает и живет, исходя из совсем других предпосылок по сравнению с нами. В этом и состоит различие. Все, что выходит за рамки правил, все, что поэтому его беспокоит, пугает или удивляет, основывается для него на том, что мы считаем сверхъестественным. Разумеется, он не считает это сверхъестественным, для него это является принадлежностью мира, который он познает, — резюмировал Юнг, отмечая далее, что «первобытный человек живет по сравнению с нами, так сказать, в другом мире».* Там вместо привычной для нас тотальной каузальности (внутренне и психологически обусловленной причинной взаимосвязи явлений и процессов) бал правит произвольно-чудодейственная магия¹⁷. К слову, в этом отношении он был ближе к иницилируемому информационно-компьютерной эпохой нелинейному мышлению и современной философии нестабильных ситуаций.

Например, в Конго до сих пор встречается обряд «опроса мертвых». Суть его заключается в целом ряде хитроумных ритуальных манипуляций с телом умершего, обычно подвешенного на время, наверное, самой архаической в мире процедуры «дознания» на толстую ветвь баобаба, с целью выявить причастность к преждевременной смерти кого-то

из колдунов, нанятых кем-то из завистливых или чрезмерно мстительных сородичей, либо действовавших по собственной инициативе. Во всяком случае, виновного умерший должен был забрать с собой без «естественного» для остальных права воскрешения и благоденствия в «другой» жизни и тем более без последующего «возвращения» в новом облике к своим потомкам. Здесь заключен определенный здравый смысл: исключение криминала «под маской» неспровоцированного самоубийства и психологическая очная ставка с возможным преступником.

В романе Давида Анану «Сын фетиша» орудие посмертной мести выступает как одна из самых значительных деталей традиционного погребального обряда: старому Соджи сбрили бороду, чтобы сделать его моложе, затем обрызгали холодной водой, вытерли, а затем разрисовали его тело изображениями молнии. Уши заткнули хлопком и завязали лентами глаза. Саван заменял кусок белой ткани, который плотно обернули вокруг тела. Труп положили в красивый гроб. Прощаясь с покойником, люди клали рядом с телом деньги и традиционные амулеты *гри-гри*. В руки Соджи вложили острый сверкающий нож, которым он должен был убить колдуна или отравителя, принесшего ему смерть. Только после этого гроб закрыли¹⁸.

Впрочем, иногда в процедуру прощания с уходящим в мир «иной» вторгаются специфические обычаи, связанные с профессиональной деятельностью. Скажем, когда в Сенегале неожиданно умер кузнец из племени *серер*, то совет старейшин принял решение похоронить его не в гробу, а в стволе большого старого баобаба. Почему такое странное погребение? С чем это связано? — Оказывается, кузнец умер в неподходящее для «нормальных» похорон время, в сезон дождей. Поэтому его могилу в земле должно было залить дождем. Но кузнецы в традиционном сознании выступают воплощением огня, а вода — его антагонистом¹⁹. Чтобы «сгладить» в духе традиционной примирительной этики неизбежное противоречие между этими уважаемыми, но вместе тем взаимоисключающими стихиями, народная фантазия нашла вариант, не обидный ни для одной из них. В противном случае нечаянная встреча воды с огнём может вызвать длительное отсутствие дождей и непомерно жаркое солнце, что неизбежно приведет, по местным поверьям, к жестокой засухе, плохому урожаю и неизбежному голоду. Около таких деревьев не рекомендуется громко говорить, а тем

¹⁶ См.: Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб, М.-Харьков-Минск, 1997. С. 199-213.

¹⁷ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. С. 160, 163.

¹⁸ Ananou David. Le fils du fetiche. Paris, 1955. P. 161.

¹⁹ См.: Андреев И.Л. Африканская металлургия — древнейшая в мире? // Африка ещё не открыта. М.: Мысль, 1967.

более смеяться, ибо духу покойника юму это вряд ли понравится. А гнев предков не на пользу потомкам, не сумевшим его предотвратить. Поэтому, предупреждают местные жители не в меру любопытных туристов, если вы видите в стволе баобаба (любимом месте позирования при фотографировании на память) большое отверстие, не спешите туда забраться и не ищите там меда диких пчел. Скорее всего, это — гробница кузнеца-*серер*, скончавшегося до наступления сухого сезона.

Другому кузнецу, умершему в сухой сезон, но отличавшемуся тягой к мирским удовольствиям, перед погребением отрубили большой палец на правой руке. Зачем? — Чтобы злые духи не вытащили, потянув за него, покойника из могилы, если им удастся соблазнить его радостями «второй» жизни на земле, при реинкарнации, в обличье оборотня. Отдать душу сородича злым духам хуже, чем самим умереть. Таков древний обычай.

Но духи не обязательно бывают злыми. Они могут быть добрыми, во всяком случае, с благими намерениями. Однако, и в этом случае общение с ними требует знания многих правил, соблюдения определенной осторожности. Например, у народности *аква* в Республике Конго смерть, как и в других африканских поверьях, не означает полного исчезновения человека. Освобождаясь от телесной оболочки, он становится невидимым, но способным принимать квази-человеческий облик, а также превращаться в птиц и животных-тотемов. Часто такой бестелесный «двойник», называемый «*окуе*», стремится заботиться о любимых людях, даже поселяясь, чтобы находиться ближе, в них самих и причиняя тем им немало забот, хлопот, опасностей и заболеваний. Вспомнился один разговор с Роланом Быковым, большим знатоком и любителем фольклора. «Чем отличаются люди от животных?» — задал он как-то вслух сам себе вопрос. И ответил: «Прежде всего, тем, что они закапывают в землю или сжигают покойников! Зачем? Чтобы их нельзя было произвольно оживить. Смерть — санитар. Она дает возможность селекции через чистилище тем, кто достоин «возвращения» в земной жизни в новом качестве».

В принципе африканцы, как и все остальные народы мира, смерти боятся. Но относятся к ней с уважением и пониманием серьезности и необратимости этого естественного явления, оставляющего тем не менее некоторый «свет в конце туннеля», надежду на инобытие или будущую реинкарнацию в земную жизнь. Однако иногда смерть ждут и даже «торопят», что не исключает возможности вовремя изменить свое первоначальное желание и даже успеть отменить

его, как это сумел сделать упомянутый выше Эссомба Мендуга, герой романа Монго Бети «Исцеленный король». Впрочем, это относится не только к африканцам. Знаменательно, что у русских космистов, последователей Н.Ф. Федорова, даже жажда подвига германцев или традиционное харакири истинных самураев рассматриваются как специфически национальные варианты «красивого», эффектного и неизменно почетного добровольного ухода из жизни, «обманув» естественно-предназначенную судьбой смерть²⁰.

Не пора ли Вам «уснуть»?

Жажда жизни подчас весьма причудливо сталкивается с жаждой власти. Исходя из представления, отождествляющего смерть с всеобъемлющей властью над живущими и теми, кому еще предстоит жить, люди побаиваются стариков: ведь они так близки к иному миру сверхъестественного, что их уже коснулось своим крылом его могущество. Вместе с тем, стариков почитают за то, что они сумели так долго прожить, много сделать и, помимо всего, произвести на свет детей и внуков. Общество нуждается в мудрости и неспешном спокойствии, накопленными стариками, в их способности заглядывать далеко в прошлое, взирать оттуда на жизненный путь потомков. Многие пожилые люди отчетливо понимают двойственность своего положения, поощряя некоторую долю страха, но вместе с тем давая хотя бы изредка скупые советы, благодаря чему живут в старости спокойно и пользуются уважением всех поколений своей большой семьей.

Как-то я получил приглашение встретить Новый год в интеллигентной африканской семье. В дворике, среди стволов пальм, были расставлены кресла, стулья, скамейки для гостей: все, кроме меня, были родственники или свойственники друг друга. Внимание привлекала величественная поза старейшины этой очень большой семьи, 75-летнего человека, которого я знал еще министром юстиции его страны около 30 лет назад. Он сидел в удобном кресле на почетном месте, задумчиво молчал, спокойно разглядывая возню пары десятков младших внуков и старших правнуков и оставаясь во власти своих никому не ведомых дум. Пару-тройку раз патриарха о чем-то спросили и вспомнили о здоровье главы семьи, каких-то эпизодах из прошлого великовозрастные дети. Его единственным собеседником в

²⁰ Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 265.

этот вечер оказался, по сути дела, нечаянный гость из далекой России, в честь которого экс-министр, не раз бывавший в Москве, вспомнил несколько десятков русских слов и не совсем печатных выражений. А, в общем, жизнь уже шла своим чередом, мимо, как бы обтекая его. Уважение к нему питали, сколь-нибудь реальной власти над событиями и домочадцами он уже не имел. Никаких привилегий и почестей, кроме искреннего уважения и почитания, людям, перешагнувшим рубеж нормальной, по местным меркам, продолжительности жизни, здесь не полагается, вне пределов семьи и круглых дат. Чем это объяснить? Может быть, естественно-групповой отбор еще в глубокой древности подсказал африканцам такого рода противоядие, исключаящее опасность передачи *потестарной* (догосударственной) власти в руки геронтократии, где абсолютизация мудрости, отождествляемой с возрастом, часто перевешивалась физической дряхлостью и старческим маразмом?

Самым древним институтом народного права, превентивно блокирующим такие ситуации, видимо, была традиция, неуклонно требовавшая от ближайших советников верховного вождя тщательно следить за его здоровьем, физическим и умственным. Это было тем более важно, что многие правители, представляя бога и первопредка, всячески избегали показываться на людях. Известен случай, когда неожиданно выявилась до той поры тщательно скрывавшаяся от подданных парализованность обеих ног у *обы* (царя) Бенина. Он немедленно был отстранен от власти вместе со своими ближайшими советниками, а затем забит камнями. Священный обычай предков требовал от придворных сделать правителю, оказавшемуся в такого рода ситуации, деликатное предложение «*уснуть*», совершить с их помощью ритуальное самоубийство, либо позорно покинуть пределы царства. Такая же участь ждала вождя, воины которого из-за плохой подготовки или неудачного руководства понапрасну гибли в бою. «Главкомандующему», следуя древнейшей этике руководства, следовало разделить их участь путем соответствующего обряда, свидетельствующего о добровольном присоединении к ним в «*той*» жизни²¹.

В странах Тропической Африки сложилась и другая, оригинальная и действенная, форма «внепарламентской» и внедворцовой обструкции неугодному этническому «королю», крупному вождю и даже просто очень богатому, но нечистому на руку человеку. Этот обычай носит название *кирикири* и заключается в делящейся до

трех месяцев массовой кампании публичного возмущения, проводимой обычно по ночам у дворца или виллы виновного, нередко сопровождаемой не только обвинениями в нарушении обычаев и ведовстве, но и руганью, распеванием насмешливых куплетов, едкими советами поспешить «*уснуть*» либо удалиться в изгнание²².

В Гане в рамках традиционного института эпохи военной демократии, носящего название *асафу*, соборные из разных деревень солдаты, подчас объединялись в требования смещения командиров и даже главнокомандующего, если на тех падало подозрение в корысти и некомпетентности. На такой волне возмущения офицеров и солдат коррумпированностью прежнего руководства дважды приходил к власти экс-президент страны Джерри Ролингс. Иногда красноречивым намеком насчет необходимости самому, согласно закону и примеру великих предков, достойно оставить трон служило посланное царю советом знати либо верхушкой тайного ритуального общества яйцо попугая или пустой калечат²³. Нечего, мол, твердить много лет одно и то же, тем более, что изменения даже в традиционном обществе все-таки время от времени происходят. Второй знак символизировал внутреннюю опустошенность правителя, исчерпавшего данный ему природой запас сил, энергии и мудрости. В обоих случаях не стоит гневить предков, ибо знамение только передано приближенными либо «невидимыми» стражами незыблемости векового порядка, а идет оно от мудрых предков, которым «оттуда» многое видней.

Кстати, тянущаяся из глубин первобытного строя традиция понимания власти как, прежде всего, надежного гаранта народного благосостояния жива до сих пор и касается, когда возникают критические ситуации, даже лидеров крупных государств, имеющих несомненный международный авторитет и заслуги перед своей страной. Например, несколько лет засухи и неурожая существенно облегчили в 1974 году группе амбициозных генералов и старших офицеров свержение древнейшей из доживших до наших дней монархий мира — власти негуса Эфиопии Хайле Селассие I. Нарушение привычных природных циклов темный народ легко связал со старческой немощью некогда любимого императора, буквально на глазах терявшего способность «ладить» с природой и духами своих великих предков²⁴.

²² Там же. С. 57.

²³ Львова Э.С. Культуры народов Тропической Африки вчера и сегодня: взаимодействие культур и тенденции развития. М.: Логос, 1996. С. 65.

²⁴ Бочаров В.В. Индивид и власть в Тропической Африке (к проблеме иррационального в политике) // Околдованная реальность. Мир африканской ментальности. М., 1994. С. 137.

²¹ Синицына И.Е. В мире обычая. М., 1997. С. 20, 57.

Характерно, что тонкий психолог, мудрый политик и умный человек Леопольд Сенгор, католик до мозга костей, успешно руководивший в течение двадцати лет мусульманской страной, досрочно и по собственной инициативе передал пост президента Сенегала своему ученику и последователю Абду Диуфу. Напротив, его ровесник чересчур самолюбивый Феликс Уфуэ-Буаньи до самой смерти в возрасте 89 лет сохранял за собой пост Президента Кот д'Ивуар, что, по мнению местной интеллигенции, далеко не самым лучшим образом сказалось на экономике, финансах и социальной ситуации в стране, которая давно нуждалась в переменах и ждала смены лидера. Симптоматично, что по случаю визита в страну Председателя Китайской Народной Республики официальной прессой усердно пропагандировалась конфуцианская модель государственной управления: «мудрость и спокойствие превыше энергии и инициативы». В то же время всячески подчеркивалось, что гость на два года старше хозяина, но, тем не менее, руководит, причем весьма успешно, страной, население которой в двести раз больше, чем в Кот д'Ивуар. Раньше в таком же духе фигурировало высказывание, приписываемое Клемансо. Выйдя на балкон к студентам, требовавших немедленных перемен и этой связи вопрошавших: «Почему Францией правят восьмидесятилетние?», он ответил им прямо, честно и убежденно: «Потому что девяностолетние уже умерли!». Услышав столь убедительный и по-французски остроумно-изысканный ответ на свой вопрос, студенты, якобы, успокоились и разошлись. Что же касалось физического и магического потенциала престарелого экс-лидера Кот д'Ивуар, то поддержать его были призваны выстроенный в джунглях грандиозный католический храм, копия римского собора святого Петра, освященный самим Папой, а также выдержанное в духе вудуизма хождение президента глубокой ночью при полной луне по воде пруда возле резиденции, аки по суку, на глазах поднятых из постелей по такому случаю членов кабинета министров. Правда, какой-то злобный швейцарский журналист пытался навязать читающей европейской публике порочащую главу государства мысль о том, что вблизи поверхности воды совершенно «случайно» оказался настил из досок. Находясь в Ямосукро, на родине Президента, я видел этот легендарный пруд «для скептиков и оппозиционеров», как шутили местные острошловы, буквально кишашим громадными крокодилами. Они всплывали, как могучие дредноуты, стоило бросить в воду жертвенного цыпленка, купленного тут же на берегу. Впрочем, не исключено, что их напустили в

пруд уже после знаменитого квази — библейского эксперимента. Нетрудно увидеть во всей этой символической картинке принцип обратного, направленного к славному прошлому течения времени. Напротив, незримую границу идеологической акции, психологического изыска, политической интриги и вполне естественной старческой причуды уловить не удавалось.

Новый облик древней проблемы

Отношение к феномену смерти в традиционном африканском менталитете отнюдь не однозначно, а скорее диалектично, особенно, если учесть колоссальную детскую смертность (в Сомали она в 550 раз выше, чем в Норвегии) и практическое отсутствие современной медицины. Чтобы не быть многословным, приведу фольклорную песенку народа йоруба (соплеменников Воле Шойинке) «Шесть условий земного счастья»:

*«Первое — это, конечно, не умереть молодым,
Второе — не впасть в нищету.
Третье — не знать огорчений и тягот,
Четвертое — чтобы жизнь была приятна для нас,
Пятое — быть счастливым в детях,
А в-шестых — не пропустить подходящего случая,
Чтобы здесь, в нашем мире земном,
без мучений заснуть последним сном».*

Что касается «критического» возраста, до которого доживают африканцы, и связанных с ним статусом и выполняемыми общественными функциями, то некоторое представление об этом дают материалы, собранные этнографами. В частности, в монографии Э.С. Львовой содержится зафиксированная среди этносов Эфиопского нагорья функционально-возрастная классификация возрастных когорт мужского рода, подобной которой мне встречать не приходилось. «Маленькие мальчики пасли мелкий скот, мужчины от 15 до 40 лет становились воинами и пасли крупный рогатый скот или верблюдов (внутри этой группы могло быть деление на «старших» и «младших» воинов), в возрасте от 40 до 55 лет они получали право руководства политическими и военными делами, в их руках была исполнительная власть; мужчины от 55 до 70 лет могли выполнять жреческие функции; от 70 до 85 — имели право решающего голоса во всех делах своего народа, позднее считались недееспособными и исключались из общественной жизни»²⁵.

²⁵ Львова Э.С. Культуры народов Тропической Африки вчера и сегодня: взаимодействие культур и тенденции развития. М.: Логос, 1996. С. 102.

Разумеется, сама информация такого рода, полученная непосредственно от известного африканиста-этнографа, безусловно, заслуживает внимания и тщательного размышления над ней. При этом, правда, вызывает определенные сомнения, пожалуй, чересчур арифметически-четкое разграничение возрастных групп в среде горных скотоводов, обычно бесписьменных, и нередко считающих свой возраст не по годам, а по чередованию сухих и дождливых сезонов, которое происходит по два раза ежегодно²⁶.

Помимо прочих условий, именно с «критическим возрастом» связаны все ритуалы и вообще проблематика добровольного ухода из жизни с помощью ближайших родственников. Чтобы, как метко сказано в старинной народной песенке, «не пропустить подходящего случая, чтобы здесь, в нашем мире земном, без мучений заснуть последним сном». Аналогия желанной смерти со спокойным засыпанием отразилась не только во многих типовых эпитафиях, но и разделяется крупными физиологами. Например, великий физиолог, Нобелевский лауреат 1908 года Илья Ильич Мечников в широко известных «Этюдах оптимизма» приводит описание «идеальной» безболезненной кончины в кругу родных и близких. Старая, но отнюдь не безнадежно дряхлая или больная женщина обращается к своей младшей праправнучке: «Катенька, принеси, пожалуйста, кружечку воды. Это будет моя последняя просьба». Испив водицы, бабушка тихо, спокойно и удовлетворенно уснула. Навсегда.

Мечты о волшебном эликсире бессмертия как некоем «вечном двигателе» монотонного, бесконечного и неизменного биологического существования человека не свойственны африканскому обыденному сознанию. В этом отношении оно «опережает» новую забаву современных мультимиллионеров, замораживающих себя для последующего оживления²⁷.

Мне довелось задуматься над этим в одном из роскошных пансионатов для людей старше 80 лет в одном из предместий Женевы. Там было многое, напоминающее настоящую жизнь: бар с безалкогольным пивом, официанты, которым можно было заказать порцию диетического творога, прекрасная мебель, живопись на стенах, удивительные рыбки в замысловато-красивых аквариумах. А у выхода скромный столик, на котором лежали один-два семейных альбома, и настенная доска, перевитая

траурной лентой, где были прорези для ежедневной смены имен умерших и дат их жизни. Утро для многих начиналось с выяснения того, кто этой ночью уснул навсегда. В их глазах нетрудно было прочесть не столько горе и страх, сколько нечто вроде сочувствия и даже зависти. Кончилось томительное ожидание неизбежного. Вместо ужаса смерти — желание сделать ее максимально безболезненной для себя и близких, а подчас возникает и высказывается вслух желание искусственно ускорить наступление последнего часа. Но никто из врачей, а тем более родных даже слушать об этом не хочет. Могут возникнуть неприятности судебного плана, либо сложности с вступлением в права наследования.

В докладе, сделанном на III Конгрессе Международного общества этнологии и фольклора по проблемам жизненного цикла, была затронута проблема новой модели смертности, сложившейся в именно в странах «золотого миллиарда». В её основе лежит вывод о том, что наиболее благополучные в современном мире старики боятся не самой смерти, а более нового явления — неспособности умереть, не проходя через беспомощность и мучения и не причиняя их своим близким. «Хронические и необратимые расстройства здоровья не только убивают нас в преклонном возрасте (старше 60-70 лет), — полагает германский специалист по исторической демографии А.М. Имхоф. — Они убивают нас не так, как чума, оспа или тиф, а медленно. Эта «новая форма умирания» часто представляет собой долгий и мучительный процесс, длящийся не сутками, а неделями, месяцами, годами. Это тяжелое испытание, поскольку оно носит как физический, так и психологический характер, а результат всегда один — смерть. Многие из нас боятся не столько смерти, сколько именно умирания: зависимости от других людей, одряхления, постепенного угасания, ожидания смерти как облегчения»²⁸.

Так неужели сегодня наиболее благополучный в мире человек Запада не может распорядиться самостоятельно самым ценным, что у него есть, собственной жизнью, когда она становится явно в тягость и ему самому, и его близким? Разве это не входит в пресловутый пакет неотъемлемых прав человека? Современная цивилизация медленно и неуклюже движется к решению все более актуального для очень пожилых людей вопроса сверхсложным

²⁶ Мосейко А.Н. Идеология в странах Тропической Африки. Традиции и современность. М., 1985. С. 63-64.

²⁷ Андреева А.И. Замороженные, или почему я не стала крионисткой // Экология и жизнь. 2006. № 5. С. 77-80.

²⁸ Имхоф А.Э. Планирование жизни на весь срок. Последствия увеличения продолжительности жизни и определенности жизненного пути за последние 300 лет // Советская этнография. 1990. № 5. С. 69.

путем, добросовестно путаясь в массе неожиданных медицинских, юридических, экономических, этических и прочих проблем.

Между тем, налицо как раз тот случай, когда «новое», вокруг чего развернулись горячие общественные дебаты, является ничем иным, как хорошо забытым старым, традиционные формы и реликты которых до сих пор благополучно существуют и функционируют, так сказать, «живьем» в архаических структурах целого ряда этносов Тропической Африки. Причем в африканском «варианте» эвтаназии, в отличие от самоубийств, названных Дюркгеймом «эгоистическими», а его племянником и последователем М. Моссом *тананоманией*, то есть осознанным и целеустремленным бегством от боли, позора, унижений, насилия, стресса и страха, речь сейчас идет о по-своему «гармоничном» и «логичном» уходе из жизни, носящем, помимо этого (или наряду с этим компонентом) альтруистический, социально значимый характер, по крайней мере, с точки зрения субъекта и «жертвы» традиционного обычая²⁹. Как тонко отметила в блестящем философском эссе о причудливых фигурах неповторимого в своих изысках времени Е.В. Петровская, африканский старейшина осознанно выбрал *«ту единственную смерть, которая случается с нами в конце», которую «мы не можем присвоить, как не можем присвоить «свое же» начало (очевидно, противоречие в терминах). Однако такая смерть, делающая нас другими по отношению к самим себе, и становится условием подлинной совместности, находящейся по ту сторону любого утопизма»*³⁰.

Почему же люди боятся смерти? Потому что она, невидимая, бродит где-то рядом, как неприятное, но неизбежное ожидание, тревогой вплетаясь в наше и оптимистически жизнерадостное, и печально-грустное бытие. Мы никогда не знаем: где ее «место» и когда придет ее «время». *«Мы привыкли, — хладнокровно продолжает Е.В. Петровская, — располагать его впереди..., забывая о том, что такое будущее сопровождает всю нашу жизнь. Это будущее, которое в отдельные мгновения совпадает с прошлым, и тогда мы умираем — умираем буквально — от печали или от любви. Это то будущее, которое мы познаем в моменты сильнейших эмоций, затмевающих наш разум и наносящих урон нашей пресловутой субъективности (если последнюю рассматривать как оберегающий нас*

*панцирь), короче, это будущее, с которым пытается отождествить себя смерть, разбросанная по всему пространству жизни»*³¹.

Проблема добровольного ухода из жизни за пределами обычно осуществляемого без помощи и участия других людей суицида, нередко связанного с психической ущербностью индивида, и активной либо пассивной эвтаназии, медицинскому прекращению мучений безнадежно больного человека по его собственному или близких ему людей желанию³², стара так же, как и осознание нашими далекими пращурами отличия своего деятельного бытия в качестве полноправного и полноценного члена первичного мини-социума от чисто физиологического существования, социального *почти небытия* индивида, теряющего со временем наиболее ценные эволюционные приобретения и становящегося все более ущербным представителем биологического рода *Homo Sapiens*.

Статус танатологии, естественной смерти и/или инициированного кем-либо или самим человеком ухода из жизни, стар, как мир. В античной Греции поощрялось самоубийство людей старше 60 лет (многие современники именно так расценили поступок Сократа, добровольно принявшего яд) и даже их умерщвление без личного согласия. Само слово «эвтаназия», впервые введенное в оборот Фрэнсисом Бэконом, означало в переводе с греческого спокойную, мирную, «сладкую», безболезненную и безмятежную, «счастливую» смерть как естественно-неизбежное окончание жизненного пути. В современной литературе фигурируют три формы эвтаназии: бийство из сострадания, добровольный суицид, а также самоубийство с помощью врача³³.

Так что же делать? Вернуться в далекое прошлое, напрочь отбросив все достижения современной цивилизации? Ведь там царил установленный естественно-групповым отбором непререкаемый стиль жизни и вполне определенная номенклатура путей и способов некатастрофического и ненасильственного ухода из нее.

Ответ на этот вопрос предлагает специалист по «детальной» проблематике А.Э. Имхоф: *«Хотя мы с большой теплотой говорили о наших предках и о том,*

³¹ Там же. С. 67.

³² Юдин Б.Г. Право на добровольную смерть: против и за // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 247-261.

³³ Юдин Б.Г. Смерть и умирание. Эвтаназия // Введение в биоэтику. М., 1998. С. 265-293; его же. Возможно ли рациональное самоубийство? // Биоэтика: принципы, правила, проблемы. М., 1998. С. 284-296.

²⁹ См.: Мосс М. Общества. Обмен. Личности. М., 1996. С. 237 и др.

³⁰ Петровская Е.В. Фигуры времени // Вопросы философии. 2000. № 10. С. 66.

как разумно они решали стоявшие перед ними тяжелые проблемы, это не означает, что я испытываю ностальгическое тяготение к прошлому. «Боже, сохрани нас от чумы, голода и войны» — эти слова слишком громко звучат у меня в ушах, и я не хочу поменяться местами со своими предками, даже при том, что жизнь наших современников нередко заканчивается столь мучительно. Тем не менее, я восхищаюсь тем упорством, с которым наши предки решали свои проблемы. Мы должны учиться у них умению смотреть жизни в лицо, наблюдать идущие процессы и делать из них выводы. Срок нашей жизни теперь увеличился. Задача состоит в том, чтобы жизнь каждого была не только долгой, но и полной. Иначе нам придется стыдиться этих своих прибавочных лет жизни, стыдиться того, что срок нашей жизни стал более долгим и определенным»³⁴. Напомню, в исследовании А.Э. Имхоф речь идет о сопоставлении нынешней демографической ситуации в развитых странах мира со средневековой Европой. Следовательно, все, что касается архаических ритуалов и обычаев, сохранившихся в странах Тропической Африки, имеет в свете теории цивилизаций и философской антропологии еще большую эвристическую ценность.

Вступление человечества в эру информатизации вносит неизбежные коррективы в прежние представления о качестве жизни и ее самоценности. Перелом в сознании населения стран «золотого миллиарда» принял поначалу уродливо-карикатурные формы пародии на товарно-рыночные отношения. От всемерного предотвращения суицида как однозначно богопротивного дела маятник общественной морали качнулся в сторону его отождествления с заказной услугой. Новый вид бизнеса вырастает на коммерческой рекламе «добровольной достойной смерти» и обещания квалифицированной «помощи желающим уйти из жизни с максимальным комфортом». В США, помимо «доктора Смерть» Геворкяна, оказавшего финальную услугу 131 пациенту, ныне функционирует общество сторонников суицида «*Hemlock Society*», недавно выпустившее в штате Орегон телевизионный ролик, а затем сайт в Интернете и видеокассету — самоучитель по самоубийству.

Наметились подвижки и в законодательстве постиндустриальных стран. В 1993 году в Голландии, а три года спустя в Австралии была полуофициально разрешена эвтаназия. В 1997 году закон «О добро-

вольном уходе из жизни» был принят, но вскоре отменен в штате Орегон. «Заказ» на медицинское обеспечение добровольного ухода из жизни в случае безнадежной болезни и нестерпимых страданий должен был быть подано официальным властям не менее, чем за полгода до осуществления данной акции. За это время большая часть больных умерла, меньшая подтвердила и реализовала свое намерение, а несколько человек, инфицированных СПИДом, отказались от прежних заявлений в надежде на открытие новых препаратов. В общей сложности к эвтаназии прибегли либо намеревались прибегнуть примерно 0,1% из числа умерших за этот период в штате Орегон. В 2000 году вопрос о праве на эвтаназию был поднят на государственном уровне во Франции, где, согласно социологической статистике, каждый третий гражданин не исключает лично для себя финала по принципу старинного национального афоризма «лучше ужасный конец, чем ужас без конца». И все это притом, что Франция всего лишь на десятом месте в мире в «черной» статистике суицидов, в то время как Россия на четвертом.

В конце 2000 года в Голландии была законодательно разрешена эвтаназия с помощью современных медицинских средств при наличии заранее составленного и надлежащим способом нотариально удостоверенного письменного заявления гражданина. Но только в том случае, если лечащий врач и врач-эксперт письменно и достаточно аргументировано подтвердят фактическое бессилие нынешней медицины в излечении и даже облегчении страданий безнадежно больного человека. С целью обеспечения контроля со стороны общества за обеспечением всех медицинских, юридических и моральных аспектов биоэтической стороны эвтаназии создана добровольная организация «Эвтаназия», которая уже насчитывает 100000 членов, вносящих ежегодно в ее фонд по 25 евро.

Вместе с тем, первые попытки правового регулирования эвтаназии обставлены таким количеством бюрократических «сдержек и противовесов» и врачу проще, собрав в кулак волю, отказать в просьбе пациенту, страдания которого современная медицина облегчить бессильна, нежели рискнуть оказаться на скамье подсудимых. Хотя самоубийство по законодательству большинства стран преступлением не является, доведение до него и помощь в его осуществлении караются достаточно сурово. На этом нервном коммерческом фоне контрастом выглядит спокойное мудрое равновесие между дарованной предками жизнью со всеми ее перипетиями и неизбежным уходом в мир теней с верой в последующее

³⁴ Имхоф А.Э. Планирование жизни на весь срок. Последствия увеличения продолжительности жизни и определенности жизненного пути за последние 300 лет // Советская этнография. 1990. № 5. С. 82.

«возвращение» к потомкам, без утраты виртуальной связи с ними в течение всего времени неизбежной разлуки. Такова ключевая психологическая парадигма традиционного африканского менталитета. В её рамках знахарский аналог европейской эвта-

назии выступает в качестве ритуальной реализации субъективной воли индивида, остающегося и после физической смерти в своей, уже виртуальной ипостаси, достойным членом бесконечного во времени родственного коллектива.

Список литературы:

1. Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984.
2. Андреев И.Л. Африканская металлургия — древнейшая в мире? // Африка ещё не открыта. М.: Мысль, 1967.
3. Андреев И.Л. Человек и его здоровье // Экология и жизнь. 2006. № 5. С. 9-13.
4. Андреева А.И. Замороженные, или почему я не стала крионисткой // Экология и жизнь. 2006. № 5. С. 77-80.
5. Бейлис В.А. Нобелевский лауреат в Африке (критики о Воле Шойинке и Шойинка о культуре). = «Культурное наследие: и преемственность и перемены». Вып. 2. М., 1991.
6. Бочаров В.В. Индивид и власть в Тропической Африке (к проблеме иррационального в политике) // Околдованная реальность. Мир африканской ментальности. М., 1994.
7. Диденко Б.А. Цивилизация каннибалов. Человечество как оно есть. М.: Поматур, 1999.
8. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.
9. Иванов Вяч.Вс. Высшие формы поведения человека в свете проблемы доминантности полушарий // О человеческом в человеке. М., 1991.
10. Имхоф А.Э. Планирование жизни на весь срок. Последствия увеличения продолжительности жизни и определенности жизненного пути за последние 300 лет // Советская этнография. 1990. № 5.
11. Львова Э.С. Культуры народов Тропической Африки вчера и сегодня: взаимодействие культур и тенденции развития. М.: Логос, 1996.
12. Монго Бети. Исцеленный король. М., 1966.
13. Мосейко А.Н. Идеология в странах Тропической Африки. Традиции и современность. М., 1985.
14. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: Восточная литература, 1996.
15. Петровская Е.В. Фигуры времени // Вопросы философии. 2000. № 10. С. 66.
16. Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. М.: Школа-Пресс, 1994.
17. Сеницына И.Е. В мире обычая. М., 1997.
18. Сеницына И.Е. Человек и семья в Африке (По материалам обычного права). М.: Наука, 1989.
19. Следзевский И.В. Человек в африканском обществе: социальный атом, культурный гибрид или интерпретатор? // Человек в африканском обществе. М., 1994. С. 45-46.
20. Франкл В. Психолог в концентрационном лагере. «Человек в поисках смысла». М.: Прогресс, 1990.
21. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб, М.-Харьков-Минск, 1997.
22. Юдин Б.Г. Возможно ли рациональное самоубийство? // Биоэтика: принципы, правила, проблемы. М., 1998. С. 284-296.
23. Юдин Б.Г. Право на добровольную смерть: против и за // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 247-261.
24. Юдин Б.Г. Смерть и умирание. Эвтаназия // Введение в биоэтику. М., 1998.
25. Яковенко И.Г. Культурные аспекты механизмов и социально-психологические источники массового террора // Мир психологии. 1998. № 3. С. 215-247.
26. Ananou David. Le fils du fetiche. Paris, 1955.
27. Dogbe Y. Negritud, culture et civilisation. Paris, 1980.
28. Senghor L.S. Liberte I. Negritud et humanisme. Paris, 1964.

References (transliteration):

1. Alekseev V.P. Stanovlenie chelovechestva. M., 1984.
2. Andreev I.L. Afrikanская metallurgiya — drevneyshaya v mire? // Afrika eshche ne otkryta. M.: Mysl', 1967.
3. Andreev I.L. Chelovek i ego zdorov'e // Ekologiya i zhizn'. 2006. № 5. S. 9-13.
4. Andreeva A.I. Zamorozhennye, ili pochemu ya ne stala krionistkoy // Ekologiya i zhizn'. 2006. № 5. S. 77-80.

5. Beylis V.A. Nobelevskiy laureat v Afrike (kritiki o Vole Shoyinke i Shoyinka o kul'ture). = «Kul'turnoe nasledie: i preemstvennost' i peremeny». Vyp. 2. M., 1991.
6. Bocharov V.V. Individ i vlast' v Tropicheskoy Afrike (k probleme irratsional'nogo v politike) // Okoldovannaya real'nost'. Mir afrikanskoj mental'nosti. M., 1994.
7. Didenko B.A. Tsivilizatsiya kannibalov. Chelovechestvo kak ono est'. M.: Pomatur, 1999.
8. Zelenin D.K. Izbrannye trudy. Ocherki russkoj mifologii. Umershie neestetvennoj smert'yu i rusalki. M., 1995.
9. Ivanov Vyach.Vs. Vysshie formy povedeniya cheloveka v svete problemy dominantnosti polusharij // O chelovecheskom v cheloveke. M., 1991.
10. Imkhof A.E. Planirovanie zhizni na ves' srok. Posledstviya uvelicheniya prodolzhitel'nosti zhizni i opredelennosti zhiznennogo puti za poslednie 300 let // Sovetskaya etnografiya. 1990. № 5.
11. L'vova E.S. Kul'tury narodov Tropicheskoy Afriki vchera i segodnya: vzaimodeystvie kul'tur i tendentsii razvitiya. M.: Logos, 1996.
12. Mongo Beti. Istselenny korol'. M., 1966.
13. Moseyko A.N. Ideologiya v stranakh Tropicheskoy Afriki. Traditsii i sovremennost'. M., 1985.
14. Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost'. M.: Vostochnaya literatura, 1996.
15. Petrovskaya E.V. Figury vremeni // Voprosy filosofii. 2000. № 10. С. 66.
16. Semenova S.G. Tayny Tsarstviya Nebesnogo. M.: Shkola-Press, 1994.
17. Sinitsyna I.E. V mire obychaya. M., 1997.
18. Sinitsyna I.E. Chelovek i sem'ya v Afrike (Po materialam obychnogo prava). M.: Nauka, 1989.
19. Sledzevskiy I.V. Chelovek v afrikanskom obshchestve: sotsial'nyy atom, kul'turnyy gibril ili interpretator? // Chelovek v afrikanskom obshchestve. M., 1994. С. 45-46.
20. Frankl V. Psikholog v kontsentratsionnom lagere. «Chelovek v poiskakh smysla». M.: Progress, 1990.
21. Kh'ell L., Zigler D. Teorii lichnosti. SPb, M.-Khar'kov-Minsk, 1997.
22. Yudin B.G. Vozmozhno li ratsional'noe samoubiystvo? // Bioetika: printsipy, pravila, problemy. M., 1998. С. 284-296.
23. Yudin B.G. Pravo na dobrovol'nuyu smert': protiv i za // O chelovecheskom v cheloveke. M., 1991. С. 247-261.
24. Yudin B.G. Smert' i umiranie. Evtanaziya // Vvedenie v bioetiku. M., 1998.
25. Yakovenko I.G. Kul'turnye aspekty mekhanizmov i sotsial'no-psikhologicheskie istochniki massovogo terrora // Mir psikhologii. 1998. № 3. С. 215-247.
26. Ananou David. Le fils du fetiche. Paris, 1955.
27. Dogbe Y. Negritud, culture et civilisation. Paris, 1980.
28. Senghor L.S. Liberte I. Negritud et humanisme. Paris, 1964.